

На правах рукописи

ЛИ ЧЖУХОНГ

**КАТЕГОРИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ВИДОМ И МОДАЛЬНОСТЬЮ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2016

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Петрухина Елена Васильевна

Официальные оппоненты: **Радбиль Тимур Беньюминович**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры современного русского языка и
общего языкознания ФГАОУ ВО
«Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского»

Шарандин Анатолий Леонидович,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, русской и зарубежной
литературы, журналистики ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН»

Защита диссертации состоится 16 ноября 2016 года в 14 часов 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119992, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». Полный текст диссертации размещен на сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»:

http://dissovet.philol.msu.ru/docs/2016_LeeJoohong_diss_10.02.01_19.pdf

Автореферат диссертации разослан « ___ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е. В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертационная работа представляет собой комплексное исследование взаимодействия грамматики будущего времени с категориями вида и модальности в современном русском языке.

В российской лингвистике связи между грамматическими категориями глагола являются традиционным вопросом грамматики, так как «глагол отличается от других частей речи особенно многосторонними и многообразными связями между своими морфологическими категориями»¹, однако целый ряд аспектов этой проблематики, с нашей точки зрения, требует дополнительного изучения.

Объектом исследования является грамматика будущего времени с ее межкатегориальными связями и употребление форм будущего времени глаголов совершенного и несовершенного вида (СВ и НСВ).

Предметом исследования выступают модальная семантика и частотность форм будущего времени СВ и НСВ.

Материалом работы послужили предложения, в которых употребляются формы будущего времени, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Их анализ мы проводили на фоне предварительно полученных общих данных о частотности видов и форм времени, а также о частотности форм аналитического и простого будущего в пределах всего НКРЯ. Из НКРЯ было извлечено 200 контекстов с приблизительно 260 формами будущего времени, на материале которых изучались модальные значения этих форм². Мы анализировали частотность употребления глагольных форм в корпусе со снятой омонимией, вводя запрос на форму *буд** (с разными окончаниями) на расстоянии до двух слов

¹ Русская грамматика, М. 1980. С. 641.

² В тексте реферата и диссертации (кроме 4-ой сопоставительной главы) приведенные примеры извлечены из НКРЯ.

от глагола НСВ в форме инфинитива. Кроме того, мы рассматривали частотность форм будущего времени 75 глаголов (в сопоставлении с частотностью других форм времени данных глаголов) с использованием разных моделей изучения частотности глагольных форм. В сопоставительном разделе диссертации анализируется около 70 русских глаголов и их корейских эквивалентов, извлеченных из текста пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» и его перевода на корейский язык, а также из перевода корейского романа Кун-Суук Шина «Пожалуйста, позаботься о маме» (пер. А. Е. Прохорова).

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы выявить и описать взаимосвязи грамматики будущего времени с видом и модальностью в русском языке (с учетом данных корейского языка).

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих исследовательских **задач**:

1) проанализировать и сопоставить частотность форм простого и аналитического будущего в русском языке на материале НКРЯ;

2) исследовать частотность употребления синонимичных глаголов НСВ (входящих в «видовые тройки» простых непроизводных глаголов и вторичных имперфективов) в форме аналитического будущего;

3) изучить связь форм будущего времени с модальными значениями и выявить типы этих значений, а также условия, ослабляющие модальную окраску данных форм;

4) проанализировать связь модальной семантики форм будущего времени с категорией лица;

5) описать специфику выражения модальных значений в плане будущего времени в русском языке в сопоставлении с корейским языком.

Для решения поставленных в задач используются следующие **методы**:

1) количественный анализ употребления форм будущего времени глаголов СВ и НСВ (в НКРЯ);

2) анкетирование информантов – студентов филологического факультета МГУ с целью интерпретации модальных значений форм будущего времени в выбранных предложениях;

3) применение информационной системы Google-Books-NGram, позволяющей определить относительную частотность любой формы слова в обширном корпусе текстов Google-books, содержащем 591 310 книг на русском языке;

4) сопоставительный анализ модальной семантики изучаемых форм на материале пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехова и ее корейского перевода, а также корейского романа Кун-Суук Шина «Пожалуйста, позаботься о маме» и русского перевода (пер. А. Е. Прохоровой).

Теоретическую базу исследования составили труды российских и зарубежных лингвистов. Вопрос о взаимодействии категорий в плане будущего времени находится на пересечении нескольких областей грамматики и семантики, изучаемых в целом ряде исследований, идеи, методы и результаты которых в значительной степени определили облик данной диссертационной работы.

Это исследования:

– Петербургской школы функциональной грамматики (работы А. В. Бондарко, Ю. С. Маслова, Е. В. Горбовой, Ю. П. Князева, Е. Ю. Парешнева, В. С. Храковского);

– группы «Логический анализ языка» под руководством Н. Д. Арутюновой (работы Н. Д. Арутюновой, Е. М. Лазуткиной, Т. Б. Радбиля);

– работы в области славянской аспектологии и русской грамматики (Ю. Д. Апресяна, А. В. Исаченко, Е. В. Петрухиной, О. П. Рассудовой, С. Г. Татевосова, А. Л. Шарандина и др.);

– исследования семантики категории модальности (И. Г. Агеевой, В. Д. Ауверы, В. В. Виноградова, В. Д. Климонова, Т. И. Красновой, А. М. Ломова, Ф. Р. Палмера, В. А. Плунгяна, Ю. С. Степанова, А. Д. Шмелева);

– работы в области корейской аспектологии (О. А. Трофименко, Ли Ик Сопа, Ли Чже Сона);

– некоторые положения, исследования и методы теории Грамматики конструкций, в частности коллострукционного анализа (Collostructional analysis)

Положения, выносимые на защиту:

1. Формы простого будущего в русском языке употребляются значительно чаще, чем формы аналитического будущего (на материале всего корпуса частотность форм простого будущего превышает частотность форм аналитического будущего в 14,7 раз). В зависимости от лексического значения глагола разница в частотности СВ и НСВ в плане будущего времени может вырасти до 200 раз (у глаголов моментального действия типа *найти / находить*).

2. Частотность форм аналитического будущего зависит от морфемной структуры глагола НСВ и его аспектуальной парадигматики. Вторичные имперфективы из видовых троек в форме аналитического будущего употребляются крайне редко (в НКРЯ многие из них совсем не представлены).

3. Формы будущего времени глаголов СВ и НСВ в русском языке выражают 1) эпистемическую, 2) волитивную и 3) потенциальную модальность. Была выявлена бóльшая частотность в плане будущего времени первой и второй разновидности модальности (уверенность, намерение или желание).

4. Модальное значение намерения чаще выражается в формах будущего времени 1-ого лица, модальное значение уверенности – в формах будущего времени 3-го лица. Употребление форм будущего времени НСВ и СВ без модальных значений чаще встречается в формах 3-его лица.

5. В сложноподчиненных предложениях с придаточным условия и с придаточным времени модальность форм будущего времени может

ослабляться. Модальная окраска отсутствует при относительном употреблении форм будущего времени в контексте прошедшего времени со значением «будущее в прошедшем».

6. В русском языке при выражении будущих действий с помощью категории вида актуализируются аспектуальные характеристики действия, а модальность эксплицитно может не выражаться. В корейском же языке, напротив, именно модальные значения – уверенность, намерение, желание, возможность – получают эксплицитное выражение, а аспектуальные и темпоральные характеристики вытекают из общего контекста и могут остаться неопределенными.

7. Русские результативные глаголы СВ (из текста пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня») во многих случаях были переведены на корейский язык с показателями модального значения уверенности, а корейские модальные конструкции с глагольной формой не прошедшего времени (из корейского романа «Пожалуйста, позаботься о маме»), выражающие значение уверенности, чаще всего переводятся на русский язык формами простого будущего, что выявило более тесную связь модального значения уверенности с глаголами СВ (чем НСВ).

Актуальность исследования определяется недостаточно исследованными вопросами взаимодействия будущего времени с видом и модальностью.

Особенно тесные связи – как парадигматические, так и функциональные – существуют между категориями вида и времени, которые рассматриваются в работах многих российских лингвистов: В. В. Виноградова, Ю. П. Князева, Е. В. Падучевой, Е. В. Петрухиной, В. С. Храковского, А. Л. Шарандина, и др. Но и в вопросе взаимодействия глагольных категорий вида и времени остаются аспекты, требующие дополнительного изучения с привлечением новых методов корпусной лингвистики и количественного анализа. Эти методы позволяют определить

частотность форм будущего времени в зависимости от вида и, кроме того, от морфемной и словообразовательной структуры глагола. Последний вопрос, насколько нам известно, в лингвистике специально не изучался.

Большое значение для работы имеет также анализ взаимодействия будущего времени и модальности. Специфика плана будущего времени, в котором выражаются действия еще не осуществленные – предполагаемые, планируемые, желаемые и др., определяет связь форм будущего времени с модальностью. Об этом пишут все исследователи будущего времени: Н. Д. Арутюнова, А. Б. Бондарко, В. В. Виноградов, Е. М. Лазуткина, Е. В. Петрухина, В. А. Плунгян, Т. Б. Радбиль и др. Но и в данной проблематике есть вопросы, нуждающиеся в дополнительном изучении, а именно имплицитное выражение формами будущего времени разнообразных модальных значений, их типы, а также зависимость выражения модальной семантики от межкатегориальных связей изучаемых форм и условия ослабления их модальности. Анализ связи форм будущего времени с модальностью в русском языке способствует сопоставлению русского языка с корейским, где действие в будущем времени и аспектуальные значения выражаются с помощью модальных показателей и конструкций.

Научная новизна работы заключается в том, что в диссертационной работе анализируется модальная семантика будущего времени в русском языке с позиций нерусского (корейского) языкового сознания – в корейском языке при выражении будущих действий эксплицитно выражается их модальная интерпретация, а футуральная и аспектуальная характеристики действия не относятся к обязательно выражаемым значениям и во многих случаях вытекают из модальности. Кроме того, новым в работе является применение количественных методов изучения частотности форм простого и аналитического будущего, а также разных типов аналитической формы будущего (с простым и вторичным имперфективами).

Теоретическая значимость работы определяется изучением типов имплицитной модальности форм будущего времени в русском языке, выявленных в том числе и при помощи сопоставления с корейским языком, а также условий ослабления модальной окраски данных форм. Кроме того, применив количественные методы изучения частотности форм будущего времени в зависимости от вида глагола, мы поставили теоретический вопрос о соотношении характеристик этих форм в системно-функциональной грамматике с полученными данными об их частотности употребления.

Практическая значимость работы состоит в том, что его выводы и результаты могут быть использованы в практике преподавания грамматики современного русского языка, прежде всего в корейской аудитории. Особенно трудным для корейских учащихся является выбор формы простого или аналитического будущего, а также возможность выразить модальную характеристику действия в плане будущего времени.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались на V конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития» (г. Киото, Университет Киото Сангё, 13-15 ноября 2015 г.), а также на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

По теме исследования опубликовано 4 научных работы – статьи и тезисы доклада на международной конференции и в журналах, в том числе и 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура работы

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, названы объект, предмет, языковой материал и методы исследования, сформулированы цель и задачи диссертационной работы, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

Глава 1 посвящена теоретическим основам диссертационного исследования. В ней рассматриваются публикации, посвященные вопросу о взаимодействии грамматических категорий глагола – времени, вида, наклонения и лица. Особое внимание уделяется исследованиям взаимодействию будущего времени вида, модальности (раздел 4 – 9). Большое внимание уделено категории модальности: ее семантической специфике, классификации типов модальности и взаимодействию с другими глагольными категориями.

Глава 2 посвящена взаимодействию вида и форм будущего времени с точки зрения частотности и употребительности этих форм.

Даже и в традиционном вопросе взаимодействия глагольных категорий вида и времени остаются аспекты, требующие дополнительного изучения с привлечением новых методов корпусной лингвистики и количественного анализа. Эти методы позволяют определить частотность форм будущего времени в зависимости от вида и, кроме того, от морфемной и словообразовательной структуры глагола. Последний вопрос, насколько нам известно, в лингвистике специально не изучался.

В пределах всего Национального корпуса русского языка была выявлена бóльшая частотность глаголов НСВ (это 55%), чем глаголов СВ (45%) (раздел 2.1). Это соответствует немаркированному характеру НСВ как члена видовой оппозиции. Однако формы простого будущего употребляются значительно чаще, чем формы аналитического будущего (на материале всего

корпуса частотность форм простого будущего превышает частотность форм аналитического будущего в 14,7 раз). Анализ частотности конкретных 23 пар глаголов СВ и НСВ также показал, что все глаголы СВ в будущем времени частотнее соответствующих парных глаголов НСВ. Можно полагать, что бóльшая частотность форм простого будущего (в сравнении с формами аналитического будущего) может быть связана с их более простой формальной организацией. У отдельных глаголов разница в частотности достигает двухсот раз, например, в паре *найдет – будет находить* (во всех формах лица). Это объясняется особенностями лексического значения глаголов моментального действия (типа *находить – найти*), имеющих ограничение на развитие процессного значения (в его разновидностях), а также тем, что в будущем времени моментальные действия чаще мыслятся как единичный факт.

В разделе 2.3 был проведен анализ временных значений форм простого будущего времени пяти глаголов (*построить, написать, сделать, дать, купить*) в 200 произвольных контекстах, взятых из НКРЯ, чтоб исследовать влияние временной многозначности формы простого будущего (которая может иметь значение и неактуального настоящего) на общую количественную картину. Из 1000 произвольно взятых контекстов формы простого будущего времени имеют значение будущего времени в 977 контекстах (97,7%), значение неактуального настоящего времени — в 23 контекстах (2,3%). Таким образом, несмотря на то, что форма простого будущего времени двузначна, контекстов со значением неактуального настоящего времени очень мало (всего 2,3%). Это значит, что двузначность форм простого будущего практически не влияет на частотность употребления форм простого будущего.

Изучая употребление форм будущего времени в русском языке, мы поставили вопрос о влиянии на частотность форм аналитического будущего морфемной структуры глагола НСВ (разделы 2.2 и 2.4). Сначала мы

сопоставили относительную (в соотношении с частотностью форм простого будущего) частотность форм аналитического будущего с несинонимичными простыми и производными глаголами НСВ типа *буду писать* и *буду подписывать*.

Была изучена частотность 16 парных глаголов СВ и НСВ в формах будущего времени: (1) *будить – разбудить, красть – украсть, писать – написать, учить – научить* и (2) *подписывать – подписать, записывать – записать, переписывать – переписать, поджаривать – поджарить*. Исследование не выявило существенных различий при сравнении показателей частотности данных глаголов СВ и НСВ (простых и вторичных имперфективов).

Совершенно другая картина была выявлена при сопоставлении частотности форм аналитического будущего с непроизводными глаголами НСВ и синонимичными вторичными имперфективами из видовых троек. Для изучения данного вопроса были выбраны 8 видовых троек глаголов (типа *копать – выкопать – выкапывать*) и сопоставлена частотность употребления входящих в них глаголов НСВ в форме будущего времени. Оказалось, что вторичные имперфективы из видовых троек в форме аналитического будущего употребляются крайне редко. В НКРЯ такие формы, как *будет срывать, будет склонять, будет сбривать, будет выкапывать, будет выпалывать, будет высмаркиваться, будет выкраивать, будет выклянчивать* во всех лицах и числах вообще не были обнаружены.

Мы проверили частотность данных форм также с помощью системы Google-books-NGram. Результат анализа показал, что во всех случаях самой частотной формой является форма будущего времени СВ. Форма аналитического будущего непроизводных глаголов НСВ встречается значительно чаще, чем форма аналитического будущего вторичных имперфективов (в 3 случаях из 8: *будет рвать, будет клонить, будет копать*), что демонстрируют имеющиеся в диссертации (в разделе 2.4.3)

графики относительной частотности этих форм. И есть случаи, когда формы аналитического будущего вторичных имперфективов вообще не встречаются в данном объемном корпусе Google-books (в 5 случаях из 8: *будет сбривать*, *будет выклянчивать*, *будет выкраивать*, *будет выпалывать*, *будет высмаркиваться*).

Представляется, что разная частотность изучаемых форм в плане будущего времени обуславливается разными факторами: 1) формальными факторами: производные имперфективы по морфемной структуре и фонемному составу проще вторичных имперфективов; 2) семантическими факторами: простые глаголы НСВ более многозначны (например, глагол *рвать*), чем приставочные глаголы НСВ (*срывать*), что также обуславливает их бóльшую частотность. Также можно полагать, что это связано с аспектуальной семантикой данных форм. Вторичные имперфективы типа *срывать*, *выклянчивать*, *выпалывать*, актуализирующие направленность действия на его предел и результат, плохо совместимы с формами аналитического будущего. Для этих форм из всех частных значений НСВ более характерно общефактическое значение³, представляющее протекание действия в самом общем виде, без актуализации его аспектуальной семантики. Этой временной форме свойственен также синкретизм частных значений НСВ⁴, что в большей степени соответствует аспектуальному характеру простых глаголов НСВ.

³ См.: *Парешнев Е. Ю.* Аспектуальная характеристика высказываний с формами сложного будущего времени в современном русском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. С. 19.

⁴ См.: *Петрухина Е. В.* Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009. С. 170.

Таким образом, используя терминологию количественного анализа Грамматики конструкций⁵, можно сказать, что вторичные имперфективы из видовых троек (типа *выпалывать*, *срывать*) «отталкиваются» от форм аналитического будущего.

В главе 3 освещается вопрос о взаимодействии форм будущего времени с модальностью.

Будущее время в грамматических описаниях русского глагола с точки зрения отношения обозначаемого действия к действительности не противопоставлено настоящему и прошедшему временам. Все три времени в рамках изъявительного наклонения интерпретируются как реальные. Однако специфика будущего времени, к которому относятся действия еще не осуществленные – предполагаемые, планируемые, желаемые и др., определяет связь соответствующих глагольных форм с модальностью, на которую указывают многие исследователи будущего времени.

Имплицитные модальные значения форм будущего времени анализировались с использованием классификации модальных значений В. Д. Ауверы и В. А. Плунгяна⁶, в которой выделяется пять семантических областей: 1) внутренняя возможность (*participant-internal possibility*) или потребность, необходимость (*participant-internal necessity*) зависят от свойств участника события; 2) внешняя возможность (*participant-external possibility*) или потребность (*participant-external necessity*) могут определяться внешними по отношению к участнику события обстоятельствами; 3) деонтическая модальность (*deontic modality*), т.е. нормативная модальность долженствования; 4) эпистемическая модальность (*epistemic modality*), т.е. вероятность ситуации; 5) волитивная модальность (*volitive modality*), т.е. намерение или желание субъекта.

⁵ См.: *Stefanowitsch, A., Gries S. T. Collostructions: investigating the interaction of words and constructions // International journal of corpus linguistics 8, no. 2, 2003. С. 212.*

⁶ См.: *Auwers J. V., Plungian V. A. Modality's Semantic map // Linguistic typology 2, 1998.*

Для того чтобы исследовать модальные значения форм будущего времени, из НКРЯ было извлечено 200 контекстов с приблизительно 260 формами будущего времени (раздел 3). Их имплицитные модальные значения были проанализированы с помощью опроса носителей русского языка (студентов и сотрудников филологического факультета МГУ) и анкетирования. 12 студентам 2-го курса филологического факультета МГУ было предложено одиннадцать произвольно выбранных предложений с формами будущего времени (без лексических показателей модальности) для интерпретации модальных значений.

Было установлено, что формы будущего времени глаголов СВ и НСВ в русском языке выражают 1) эпистемическую модальность уверенности (например, в предложении *Где любовь истинная, там **не будешь** знать ни зимы, ни лета, ни осени*); 2) волитивную модальность намерения (например, в предложении *Уважая судебные процедуры государства Катар, наши адвокаты **подадут** апелляцию с целью пересмотра принятого решения*) и 3) потенциальную модальность (возможности или невозможности) (например, в предложении — *Чем ты **докажешь** мне любовь и верность свою?*)

Анкетирование показало, что модальные значения форм будущего времени в русском языке четко не разграничены. Например, в предложении *Какой противный этот крокодил! Я даже испугалась, – теперь он мне **будет сниться** во сне*. семь информантов увидели уверенность, пятеро — опасение. Однако в других предложениях единообразных ответов было значительно больше. Например, в предложении *Через неделю **вернись**, не переживай, что со мной может случиться!* десять информантов увидели уверенность.

Значение уверенности в предложениях с формами будущего времени выступает как наиболее частая реализация эпистемической модальности. Из 200 рассмотренных примеров, где глагол в форме будущего времени чаще всего выражает эпистемическую модальность, основное значение,

выражаемое в контекстах, – это модальное значение уверенности (91 примеров из 200, 46%), следующей по частотности является волитивная модальность, т. е. модальное значение намерения (80 из 200 примеров, 40%). Для того, чтоб выразить неуверенность необходимы лексические показатели *наверное, возможно*.

Не вызвало больших разногласий и определение волитивной модальности. Так, в предложениях *Буду отвечать вам по пунктам, как говорят подьячие* (А. С. Пушкин); *Дмитрий Павлович внимательно прочел письмо и спросил: «Напишешь ему?» – «Нет, – ответила Софья Яковлевна, – терпеть не могу переписываться»* (Б. М. Левин) из двенадцати информантов десять определили модальную окраску форм будущего времени как «намерение».

Наибольшее единство информантов было проявлено при определении внешней возможности. Все двенадцать информантов определили имплицитно выраженную невозможность совершить действие, обусловленную внешними обстоятельствами в предложении *Кроме немногих ракут, всегда готовых к услугам, да двух-трёх тощих берёз, деревца на версту кругом не увидишь: изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой* (И.С. Тургенев).

В нашей произвольной выборке примеров из НКРЯ языка не были обнаружены формы будущего времени, четко выражающие деонтическую модальность.

В разделе 3.3 рассматриваются определенные условия контекста, где модальность форм будущего времени может ослабляться. Основным условием такого ослабления является ориентация действия не только или не столько на момент речи, сколько на какую-нибудь другую точку отсчета, функцию которой обычно выполняет другое действие. Так, в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия действие главного предложения ориентировано на потенциальное действие

придаточного, и в этой ориентации модальная окраска главного действия, как правило, ослабевает. Например: *Если он **будет плыть** со скоростью 36 километров в час, то каждые 5 минут температура тела **будет повышаться** на один градус* («Юный натуралист»). *Если он **придет**, ты **познакомишься** с ним ближе* (Ю. Трифонов). Модальность предположения о будущем событии в придаточном предложении «уступает место значению обязательного наступления некоторого события при определенных условиях⁷».

В сложных предложениях с придаточным времени союз *когда* указывает на интерпретацию действия говорящим как реального, что обуславливает отсутствие модальных смыслов и в восприятии действия в главной части. Например: *Когда апрель **настанет**, то **растают** почки многочисленных садах вокруг Арбата, и зеленое благословение **выльется** – душистым, милым опереньем* (Б.К. Зайцев); *Отмеченный парадокс **станет** очевиднее, когда мы **сопоставим** результаты еще двух опросов* (Э. Щербенко).

Если речь идет о неререферентном употреблении глагольных форм, то временные отношения между действиями в сложноподчиненном предложении устанавливаются в рамках соответствующего текста, что также способствует ослаблению модальности форм будущего времени. Такое употребление данных форм особенно характерно для научных и специально-профессиональных текстов. Например: *При организации коррекционной работы дефектолога **встает** вопрос о необходимости создания таких условий обучения детей, при которых **будут формироваться** произвольность и способность к волевому усилию* (Вопросы психологии, 2004). *Очевидно, если программные продукты для проектирования и*

⁷ Радбиль Т. Б. Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме "Реальность-Текст" // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011. С. 262.

исполнения бюджета **будут совместимы** между собой, это **стимулирует** продвижение каждого из них (Computerworld, 2004).

Отсутствует модальность и при относительном употреблении форм будущего времени в контексте прошедшего времени, когда они, выражая следование по отношению к действию в прошлом, выражают «будущее в прошедшем». Например: ***Пройдет** почти 40 лет – и старик Тургенев, потерявший родину, молодость, почти всех близких, но сохранивший верность однажды избранному ориентиру, **будет** молча **плакать** в парижской церкви русского посольства – во время благодарственного молебна за Государя Александра Николаевича, объявившего февральский Манифест 1861 года* (А. Архангельский).

В разделе 3.4 рассматриваются модальные значения форм будущего времени в зависимости от форм лица. Количественный анализ употребления форм будущего времени в НКРЯ в зависимости от формы лица показал, что наибольшей частотностью обладают формы 3-го лица. Соотношение употреблений форм аналитического будущего по лицам таково: 1-е лицо – 50 098 форм, 2-е лицо – 15 737, 3-е лицо – 115 059. У простого будущего также более частотны формы 3-его лица: 1-е лицо – 701 230, 2-е лицо – 331 563, 3-е лицо – 1 563 300.

На примере 200 контекстов из Национального корпуса русского языка, содержащих формы будущего времени, было выявлена тесная связь типов модальности с формами лица. Формы 1-ого лица будущего времени чаще всего выражают волитивную модальность (94%), обычно это модальные значения намерения и обещания. Формы 3-ого лица будущего времени чаще всего выражают эпистемическую модальность (уверенность, 83%). Употребление форм будущего времени без модальных значений чаще встречается также в формах 3-его лица.

Глава 4 посвящена сопоставлению русско-корейского и корейско-русского переводов двух литературных произведений с точки зрения темы исследования.

В разделе 2 рассматриваются различия в выражении времени и аспектуальных значений между русским и корейским языкам. Самое принципиальное различие между русским и корейским языками в выражении времени заключается в разном устройстве грамматической категории времени. В русском языке категория времени состоит из трех граммем — прошедшего, настоящего и будущего, при этом будущее время имеет грамматическое выражение и входит в систему изъявительного наклонения. А в корейском языке категория времени состоит из двух граммем: граммы прошедшего и непрошедшего времени. В корейском языке грамма прошедшего времени имеет формальный показатель «-ss-». Его наличие в предложении однозначно указывает на то, что действие было совершено в прошлом. Форма непрошедшего времени, имеющая показатель «-n-», называется так потому, что может выражать и настоящее, и будущее время. В корейском языке будущее время может быть выражено формой на «-n-» и при отсутствии лексических маркеров будущего времени. В этом случае на будущее время указывают модальные показатели. В области аспектуальности принципиальное различие между корейским и русским языками заключается в том, что информация о завершенности / незавершенности, результативности / нерезультативности действия в корейском языке, в отличие от русского языка, не является обязательной.

Раздел 3 посвящен сопоставительному анализу корейских и русских эквивалентных предложений, выражающих действия в будущем. Было проведено сопоставление модальных и аспектуальных характеристик глагола при обозначении предстоящих событий на примере около семидесяти русских глаголов и их корейских эквивалентов, извлеченных из пьесы А. П.

Чехова «Дядя Ваня», а также из корейского романа Кун-Суук Шина «Пожалуйста, позаботься о маме» (пер. А. Е. Прохорова).

Анализ переводных эквивалентов показал, что русские глаголы в форме будущего времени в большинстве случаев были переведены на корейский язык с помощью модальных конструкций. Например, предложение *Уже не люблю* переведено на корейский язык конструкцией с модальным формантом «-gess-» с модальным значением уверенности: *saranghajian-gess-ji* Предложение *Мы отдохнем!* Также переведено с модальным показателем уверенности «-lgo-»: *urinun shige-doe-lgo-eyo* Предложение *Я попрошу его осторожно* переведено с модальным показателем намерения «-lge-»: *josimheso mulobo-lge*.

Большинство корейских глагольных форм непрошедшего времени с модальными конструкциями были переведены на русский язык формами будущего времени. Например, предложение *tto gyoul-un chajao-gess-ji*, которое имеет формант «-gess-» с модальным значением уверенности, переведено на русский язык формой простого будущего: *и снова наступит зима*. Предложение *oaso boaju-lgo-indi*, которое имеет формант «-lgo-» с модальным значением уверенности, переведено на русский язык формой простого будущего: *они придут и обо всем позаботятся*. Предложение *nega ha-lge otta*, которое имеет формант «-lge-» с модальным значением намерения, переведено на русский язык формой простого будущего: *я все сделаю сама, мама*.

Можно заключить, что в корейском языке при употреблении формы непрошедшего времени временную семантику определяет наличие или отсутствие модального показателя.

Сопоставительный анализ предложений также показал, что русские результативные глаголы СВ во многих случаях (10 предложений из 27) были переведены на корейский язык с показателями «-gess-» и «-lgo-», которые выражают модальное значение уверенности. И среди корейских

предложений, где были использованы глаголы, выражающие высокую степень уверенности, почти все предложения (8 из 9) были переведены именно с помощью глаголов СВ. Из полученных данных можно заключить, что корейские модальные конструкции со значением уверенности и глагольной формой не прошедшего времени чаще всего переводятся на русский язык формами простого будущего. Это соотношение подтверждается и переводами с русского языка на корейский. При этом те русские глаголы СВ, которые переведены на корейский язык с показателями модального значения намерения, почти во всех случаях (6 из 7) имели форму 1-ого лица. Такая же закономерность наблюдается и при переводе с корейского языка на русский. Среди 14 переводных корейских предложений, где имеются модальные конструкции со значением намерения, большинство предложений (11 из 14, т. е. 78.5%) были переведены на русский язык с помощью глаголов СВ 1-ого лица. Можно заключить, что в русском языке существует тесная связь форм будущего времени первого лица со значением намерения.

Каждая глава завершается краткими выводами.

В **Заключении** представлены обобщенные результаты проведенного исследования, которые мы кратко сформулировали на стр. 4-5 как положения, выносимые на защиту. Кроме этого, в Заключении имеется ряд других выводов.

В ходе данного исследования в плане будущего времени была обнаружена языковая избыточность вторичных имперфектов синонимичных простым глаголам НСВ, споры о которой и сегодня продолжаются в лингвистике⁸. Эта избыточность наиболее четко проявляется в плане будущего времени, что и показывает данное исследование.

Даже тот небольшой языковой материал, который проанализирован в данной диссертационной работе, свидетельствует о взаимодействии разных

⁸ См. Храковский В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении, №9, 2005.

модальных смыслов при употреблении форм будущего времени (возможности и вероятности; желания, намерения и уверенности / неуверенности; необходимости и долженствования и т.д.), тем не менее, формы будущего времени, оставаясь в рамках изъявительного наклонения, не утрачивают связь со значением реальности.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

- 1. Ли Чжухонг. Корпусный анализ форм будущего времени в русском языке: статистика и коллокационные закономерности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2014. №6. С. 169-175.**
- 2. Ли Чжухонг, Петрухина Е. В. Модальность глагольных форм будущего времени в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2015. №4. С. 110-121.**
- 3. Ли Чжухонг. Аспектуальные и модальные характеристики будущих действий в русском языке сквозь призму корейского языка // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. М., 2015. №3. С. 22-27.**

Публикация в другом издании:

- 4. Ли Чжухонг. Вопросы сопоставительной аспектологии русского и корейского языков: употребление глагольных форм при выражении будущих действий // Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития». Киото, 2015. С. 144-150.**